

Я думаю, что если человеку когда-либо можно было простить то, что он потерял счет дням недели, то обстоятельства простили меня. Действительно, если бы мне сказали, что метод отсчета времени полностью изменился и дни теперь отсчитываются сериями по пять, десять или пятнадцать вместо семи, я бы нисколько не удивился после того, что я уже слышал и видел о двадцатом веке. Впервые вопрос о днях недели пришел мне в голову на следующее утро после разговора, описанного в предыдущей главе. За завтраком доктор Лите спросил меня, не хочу ли я послушать проповедь.

- Значит, сегодня воскресенье? - воскликнул я.

"Да", - ответил он. - Видите ли, это было в пятницу, когда мы совершили счастливое открытие погребальной камеры, которой мы обязаны вашему обществу сегодня утром. В субботу утром, вскоре после полуночи, вы впервые проснулись, а в воскресенье днем проснулись во второй раз с полностью восстановленными способностями."

"Значит, у вас все еще есть воскресенья и проповеди", - сказал я. "У нас были пророки, которые предсказывали, что задолго до этого мир обойдется без того и другого. Мне очень любопытно узнать, как церковные системы сочетаются с остальными вашими социальными установлениями. Я полагаю, у вас есть что-то вроде национальной церкви с официальными священнослужителями."

Доктор Лите рассмеялся, а миссис Лите и Эдит, казалось, были очень удивлены.

- Ах, мистер Уэст, - сказала Эдит, - какими странными людьми вы, должно быть, считаете нас. Вы совершенно покончили с национальными религиозными учреждениями в девятнадцатом веке, и неужели вы воображали, что мы вернулись к ним?"

"Но как могут добровольные церкви и неофициальная профессия священнослужителя сочетаться с национальной собственностью на все здания и производственными услугами, требуемыми от всех людей?" Я ответил.

"Религиозные обычаи людей, естественно, значительно изменились за столетие, - ответил доктор Лите, - но если предположить, что они остались неизменными, наша социальная система идеально приспособилась бы к ним. Государство предоставляет любому лицу или ряду лиц здания под гарантию арендной платы, и они остаются арендаторами, пока платят ее. Что касается священнослужителей, то, если несколько человек желают воспользоваться услугами какого-либо лица для достижения какой-либо конкретной цели, помимо общего служения нации, они всегда могут обеспечить это, конечно, с согласия этого лица.

Точно так же, как мы обеспечиваем услуги наших редакторов, путем внесения со своих кредитных карточек компенсации нации за потерю его услуг в целом по отрасли. Это возмещение, выплаченное нации за индивидуальные ответы на зарплату в ваше время, выплачиваемую самому человеку; и различные применения этого принципа оставляют частной инициативе полную свободу действий во всех деталях, к которым неприменим национальный контроль. Теперь, что касается сегодняшней проповеди, то, если вы хотите это сделать, вы можете либо пойти в церковь, чтобы послушать ее, либо остаться дома."

"Как я могу это услышать, если останусь дома?"

- Просто проводите нас в музыкальную комнату в назначенное время и выберите удобное кресло. Есть те, кто все еще предпочитает слушать проповеди в церкви, но большая часть

наших проповедей, как и наших музыкальных выступлений, проводится не публично, а в акустически подготовленных помещениях, соединенных проводом с домами абонентов. Если вы предпочитаете пойти в церковь, я буду рад сопровождать вас, но я действительно не верю, что вы где-либо услышите лучшую проповедь, чем дома. Я вижу из газеты, что мистер Бартон должен проповедовать этим утром, а он проповедует только по телефону и перед аудиторией, часто достигающей 150 000 человек".

"Новизна опыта прослушивания проповеди при таких обстоятельствах побудила бы меня стать одним из слушателей мистера Бартона, хотя бы по какой-то другой причине", - сказал я.

Час или два спустя, когда я сидел и читал в библиотеке, Эдит пришла за мной, и я последовал за ней в музыкальную комнату, где ждали доктор и миссис Лит. Не успели мы усесться поудобнее, как послышался звон колокольчика, а через несколько мгновений к нам обратился мужской голос, говоривший обычным тоном, словно исходивший от невидимого человека в комнате. Вот что сказал голос:

ПРОПОВЕДЬ мистера БАРТОНА

"На прошлой неделе среди нас был современник девятнадцатого века, живой представитель эпохи наших прадедушек. Было бы странно, если бы столь экстраординарный факт несколько сильно не повлиял на наше воображение. Возможно, большинство из нас было побуждено к некоторым усилиям осознать общество столетней давности и представить себе, каково это было - жить тогда. Приглашая вас сейчас поразмыслить над некоторыми размышлениями на эту тему, которые пришли мне в голову, я предполагаю, что скорее последую за ходом ваших собственных мыслей, чем отклонюсь от него."

В этот момент Эдит что-то прошептала своему отцу, на что он кивнул в знак согласия и повернулся ко мне.

"Мистер Уэст, - сказал он, - Эдит предполагает, что вам, возможно, будет немного неловко слушать рассуждения о том, что излагает мистер Бартон, и если это так, то не нужно обманом отказываться от проповеди. Она соединит нас с аудиторией мистера Свитсера, если вы так скажете, и я все равно могу обещать вам очень хорошую лекцию".

"Нет, нет", - сказал я. - Поверьте мне, я бы предпочел услышать, что скажет мистер Бартон.

"Как вам будет угодно", - ответил мой хозяин.

Когда ее отец заговорил со мной, Эдит прикоснулась к винтику, и голос мистера Бартона внезапно смолк. Теперь, при очередном прикосновении, комната снова наполнилась искренними сочувственными тонами, которые уже произвели на меня самое благоприятное впечатление.

"Я осмелюсь предположить, что в результате этих попыток ретроспективного анализа у нас был общий эффект, и он заключался в том, что мы были более чем когда-либо поражены колоссальными изменениями, которые за одно короткое столетие произошли в материальных и моральных условиях человечества.

"Тем не менее, что касается контраста между бедностью нации и мира в девятнадцатом веке и их богатством сейчас, то он, возможно, не больше, чем когда-либо наблюдался в истории человечества, возможно, не больше, например, чем контраст между бедностью этой страны во время самого раннего колониального периода. период семнадцатого века и относительно большое богатство, которого она достигла к концу девятнадцатого, или между Англией

Вильгельма Завоевателя и Англией Виктории. Хотя совокупное богатство нации тогда, как и сейчас, не давало какого-либо точного критерия массы ее народа, все же подобные примеры позволяют провести частичные параллели с чисто материальной стороной контраста между девятнадцатым и двадцатым веками.

Именно когда мы размышляем о моральном аспекте этого контраста, мы оказываемся перед явлением, прецедентов которому в истории нет, как бы далеко назад мы ни заглядывали. Можно было бы почти извинить того, кто воскликнет: "Здесь, несомненно, нечто похожее на чудо!" Тем не менее, когда мы отбрасываем праздное удивление и начинаем критически рассматривать кажущееся чудо, мы обнаруживаем, что это вовсе не праздник, а тем более не чудо.

Нет необходимости предполагать моральное новое рождение человечества или массовое уничтожение злых и выживание добрых, чтобы объяснить стоящий перед нами факт. Это находит свое простое и очевидное объяснение в реакции изменившейся окружающей среды на человеческую природу. Это просто означает, что форма общества, которая была основана на псевдокорыстных интересах эгоизма и апеллировала исключительно к антисоциальной и жестокой стороне человеческой природы, была заменена институтами, основанными на истинных личных интересах рационального бескорыстия и апеллирующими к социальным и великодушным инстинктам людей.

"Друзья мои, если вы хотите снова увидеть в людях хищных зверей, какими они казались в девятнадцатом веке, все, что вам нужно сделать, это восстановить старую социальную и промышленную систему, которая учила их видеть свою естественную добычу в своих ближних и находить выгоду в потере других. Без сомнения, вам кажется, что никакая необходимость, какой бы острой она ни была, не соблазнила бы вас питаться тем, что превосходящее мастерство или сила позволили вам вырвать у других, столь же нуждающихся. Но предположим, что вы несете ответственность не только за свою собственную жизнь. Я хорошо знаю, что среди наших предков, должно быть, было много людей, которые, если бы это был просто вопрос их собственной жизни, скорее отказались бы от нее, чем питались хлебом, отнятым у других. Но этого ему не разрешили сделать.

От него зависели дорогие ему жизни. Мужчины любили женщин в те времена, как и сейчас. Одному богу известно, как они осмеливались быть отцами, но у них были дети, без сомнения, такие же милые для них, как наши для нас, которых они должны были кормить, одевать, давать образование. Самые кроткие существа становятся свирепыми, когда им приходится заботиться о детенышах, и в этом волчьем обществе борьба за хлеб позаимствовала особое отчаяние у самых нежных чувств. Ради тех, кто от него зависит, мужчина может не выбирать, но должен ввязаться в грязную борьбу — обманывать, злоупотреблять, вытеснять, лгать, покупать дешевле и продавать дороже, разрушить бизнес, с помощью которого его сосед кормил своих детенышей, соблазнять людей покупать то, чего им не следует, и продавать то, что им не следует, перемалывать своих работников, давить на своих должников, уговаривать своих кредиторов.

Хотя мужчина старательно, со слезами на глазах добивался этого, было трудно найти способ, которым он мог бы зарабатывать на жизнь и обеспечивать свою семью, кроме как уступая какому-нибудь более слабому сопернику и забирая еду у него изо рта. Даже служители религии не были освобождены от этой жестокой необходимости. В то время как они предостерегали свою паству от сребролюбия, забота о своих семьях заставляла их смотреть в будущее в отношении денежных призов, связанных с их призванием. Бедняги, их дело действительно было нелегким - проповедовать людям великодушие и бескорыстие, которые, как они и все остальные знали, при существующем состоянии мира привели бы к бедности тех,

кто должен был бы их практиковать, устанавливать законы поведения, которые закон самосохранения вынуждал людей нарушать.

Глядя на бесчеловечное зрелище общества, эти достойные люди горько оплакивали порочность человеческой натуры; как будто ангельская натура не была бы развращена в такой дьявольской школе! Ах, друзья мои, поверьте мне, не сейчас, в этот счастливый век, человечество доказывает свою божественность. Скорее, это было в те злые дни, когда даже борьба друг с другом за жизнь, борьба просто за существование, в которой милосердие было безумием, не могла полностью изгнать великодушие и доброту с лица земли.

"Нетрудно понять отчаяние, с которым мужчины и женщины, которые при других условиях были бы полны мягкости и правды, сражались и разрывали друг друга в борьбе за золото, когда мы осознаем, что значило упустить его, какой была бедность в те дни. Для тела это были голод и жажда, мучения от жары и мороза, в болезни пренебрежение, в здоровье неустанный труд; для нравственной натуры это означало угнетение, презрение и терпеливое перенесение унижений, грубых ассоциаций с младенчества, потерю всей невинности детства, грации женственности, достоинства мужественности; для ума это означало смерть от невежества, оцепенение всех тех способностей, которые отличают нас от животных - сведение жизни к циклу телесных функций.

"Ах, друзья мои, если бы такая судьба была предложена вам и вашим детям в качестве единственной альтернативы успеху в накоплении богатства, как долго, по вашему мнению, вы бы опускались до морального уровня своих предков?

"Около двух или трех столетий назад в Индии был совершен акт варварства, который, хотя число уничтоженных жизней составило всего несколько десятков, сопровождался такими особыми ужасами, что память о нем, вероятно, будет вечной. Несколько английских пленных были заперты в комнате, где воздуха не хватало даже для одной десятой их числа. Несчастные были храбрыми людьми, преданными товарищами по службе, но, когда ими начали овладевать муки удушья, они забыли обо всем остальном и ввязались в отвратительную борьбу, каждый за себя и против всех остальных, чтобы пробиться к одному из маленьких отверстий в стене.

Тюрьма, в которой только и можно было глотнуть свежего воздуха. Это была борьба, в которой люди превратились в зверей, и рассказ немногих выживших о ее ужасах настолько потряс наших предков, что столетие спустя мы находим это в их литературе как типичную иллюстрацию крайних возможностей человеческого страдания, столь же шокирующего в своем моральном, как и физическом аспекте. Вряд ли они могли предположить, что для нас Черная дыра Калькутты, с ее толпой обезумевших людей, рвущих и топчущих друг друга в борьбе за место у дыхательных отверстий, покажется поразительным типом общества их эпохи. Однако ему недоставало чего-то от законченного типа, потому что в Калькуттской Черной дыре не было ни нежных женщин, ни маленьких детей, ни стариков, ни женщин-калек. По крайней мере, все они были мужчинами, сильными переносить страдания.

"Когда мы размышляем о том, что древний порядок, о котором я говорил, господствовал вплоть до конца девятнадцатого века, в то время как нам пришедший ему на смену новый порядок уже кажется античным, даже наши родители не знали другого, мы не можем не поражаться внезапности, с которой произошел такой переход. должно быть, произошло нечто глубокое, превосходящее весь предыдущий опыт расы. Однако некоторые наблюдения за состоянием умов людей в последней четверти девятнадцатого века в значительной степени рассеют это удивление. Хотя нельзя было сказать, что в то время в каком-либо сообществе существовал общий интеллект в современном смысле этого слова, все же, по сравнению с предыдущими поколениями, то, что тогда было на сцене, было разумным.

Неизбежным следствием даже такого сравнительного уровня интеллекта было восприятие зла в обществе, такого, какого никогда прежде не было у всех. Совершенно верно, что в предыдущие века это зло было еще хуже, гораздо хуже. Разница заключалась в возросшем интеллекте масс, поскольку рассвет обнажает убожество окружающей обстановки, которое в темноте могло показаться сносным. Ключевой нотой литературы того периода было сострадание к бедным и несчастным и негодующий протест против неспособности социальной машины облегчить страдания людей. Из этих вспышек ясно, что моральная отвратительность происходящего вокруг них зрелища была, по крайней мере, на мгновение, полностью осознана лучшими людьми того времени, и что жизнь некоторых из них, наиболее чувствительных и великодушных сердцем, стала почти невыносимой из-за интенсивности их сочувствия.

"Хотя идея жизненного единства семьи человечества, реальность человеческого братства была очень далека от того, чтобы восприниматься ими как нравственная аксиома, как нам кажется, все же было бы ошибкой предполагать, что вообще не было соответствующего ей чувства. Я мог бы прочесть вам замечательные отрывки из некоторых из их авторов, которые показывают, что концепция была ясно понята немногими и, без сомнения, смутно многими другими. Более того, не следует забывать, что девятнадцатый век по названию был христианским, и тот факт, что вся коммерческая и промышленная структура общества была воплощением антихристианского духа, должно быть, имел некоторый вес, хотя я признаю, что он был странно мал, для номинальных последователей Иисуса Христа.

"Когда мы спрашиваем, почему в нем не было большего, почему, в общем, долгое время после того, как подавляющее большинство людей согласилось с вопиющими злоупотреблениями существующего общественного устройства, они все еще терпели его или довольствовались разговорами о мелких реформах в нем, мы сталкиваемся с экстраординарным фактом. Даже лучшие из людей той эпохи искренне верили, что единственными устойчивыми элементами человеческой природы, на которых может быть надежно основана социальная система, являются ее наихудшие наклонности. Их учили и они верили, что жадность и своекорыстие - это все, что удерживает человечество вместе, и что все человеческие объединения распадутся на части, если будет сделано что-либо, чтобы притупить остроту этих мотивов или ограничить их действие.

Одним словом, они верили — даже те, кто страстно желал верить в обратное, — в прямо противоположное тому, что кажется нам самоочевидным; они верили, что антисоциальные качества людей, а не их социальные качества, были тем, что обеспечивало сплочающую силу общества. Им казалось разумным, что люди живут вместе исключительно с целью переигрывать и угнетать друг друга, а также быть переигранным и угнетаемыми, и что, хотя общество, дающее полный простор этим наклонностям, может устоять, у общества, основанного на идее сотрудничества на благо всех, будет мало шансов..

Кажется абсурдным ожидать, что кто-то поверит в то, что подобные убеждения когда-либо всерьез принимались людьми; но то, что они не только развлекали наших прадедов, но и были ответственны за длительную задержку с ликвидацией древнего порядка после того, как убеждение в его невыносимых злоупотреблениях стало всеобщим, установлено настолько хорошо, насколько это вообще возможно в истории. Именно здесь вы найдете объяснение глубокому пессимизму литературы последней четверти девятнадцатого века, нотке меланхолии в ее поэзии и цинизму ее юмора.

"Чувствуя, что условия гонки были невыносимыми, у них не было явной надежды на что-либо лучшее. Они верили, что эволюция человечества привела к тому, что оно зашло в тупик и что нет никакого способа продвинуться вперед. Состояние умов людей в это время поразительно иллюстрируется дошедшими до нас трактатами, с которыми любознательные могут

ознакомиться в наших библиотеках даже сейчас, в которых приводятся кропотливые аргументы, доказывающие, что, несмотря на тяжелое положение людей, жизнь все же была, благодаря некоторому незначительному перевесу соображений, лучше, чем уход.

Презирая самих себя, они презирали своего Создателя. Наблюдался общий упадок религиозных верований. Бледные и водянистые отблески с небес, густо затуманенных сомнением и страхом, они освещали хаос на земле. То, что люди должны сомневаться в Том, чье дыхание у них в ноздрях, или бояться рук, которые их лепили, кажется нам поистине прискорбным безумием; но мы должны помнить, что дети, которые храбры днем, иногда испытывают глупые страхи ночью. С тех пор наступил рассвет. В двадцатом веке очень легко поверить в отцовство Бога.

Вкратце, как и положено в беседе такого рода, я коснулся некоторых причин, которые подготовили умы людей к переходу от старого порядка к новому, а также некоторых причин консерватизма отчаяния, который некоторое время сдерживал его после того, как время истекло. Удивляться быстроте, с которой произошли перемены после того, как впервые появилась возможность их осуществления, - значит забывать об опьяняющем действии надежды на умы, давно привыкшие к отчаянию. Солнечный луч после такой долгой и темной ночи, должно быть, произвел ослепительный эффект. С того момента, как люди позволили себе поверить, что человечество, в конце концов, не было создано для низменных потребностей, что приземистый рост цивилизации не был мерой его возможного роста, но что общество стояло на пороге безграничного развития, реакция, должно быть, была ошеломляющей. Очевидно, что ничто не могло устоять перед энтузиазмом, который внушала новая вера.

"Вот, наконец, - должно быть, почувствовали люди, - причина, по сравнению с которой величайшая из исторических причин казалась тривиальной. Несомненно, именно потому, что он мог бы повелевать миллионами мучеников, никто из них не был нужен. Смена династии в маленьком королевстве старого света часто стоила больше жизней, чем революция, которая, наконец, поставила человечество на правильный путь.

"Несомненно тому, кому даровано благо жизни в наш блистательный век, желать своей судьбе иного, и все же я часто думал, что охотно променял бы свою долю в этот безмятежный и золотой день на место в ту бурную переходную эпоху, когда герои прорывались через запертые ворота. о будущем и открывшемся горящему взору отчаявшейся расы вместо глухой стены, преградившей ей путь, перспектива прогресса, конец которого из-за избытка света все еще ослепляет нас. Ах, друзья мои! кто скажет, что жить тогда, когда самое слабое влияние было рычагом, от прикосновения к которому трепетали века, не стоило доли даже в эту эпоху плодов?

- Вы знаете историю этой последней, величайшей и самой бескровной из революций. За время существования одного поколения люди отбросили социальные традиции и обычаи варваров и приняли общественный порядок, достойный разумных и человеческих существ. Перестав быть хищниками в своих привычках, они стали коллегами и сразу же обрели в братстве науку о богатстве и счастье. "Что мне есть и пить и во что мне быть одет?" - сформулированный как проблема, начинающаяся и заканчивающаяся в самом себе, был тревожным и бесконечным. Но когда однажды это было задумано не с индивидуальной, а с братской точки зрения: "Что мы будем есть и пить и во что будем одеты?" — трудности исчезли.

"Бедность с порабощением была для массы человечества результатом попыток решить проблему содержания с индивидуальной точки зрения, но как только нация стала единственным капиталистом и работодателем, не только изобилие заменило бедность, но и последние следы крепостничества человека к человеку исчезли с земли. Человеческое

рабство, так часто тщетно пропагандируемое шотландцами, наконец-то было уничтожено. Средства к существованию больше не раздавались мужчинами женщинам, работодателями наемным работникам, богатыми бедным, а распределялись из общего фонда, как между детьми за отцовским столом. Человек больше не мог использовать своих собратьев в качестве орудий для собственной выгоды.

Его уважение было единственной выгодой, которую он мог отныне извлечь из него. В отношениях людей друг к другу больше не было ни высокомерия, ни подобострастия. Впервые с момента сотворения мира каждый человек выпрямился перед Богом. Страх нужды и жажда наживы исчезли, когда изобилие было гарантировано всем, а неумеренное обладание сделало невозможным достижение. Больше не было ни нищих, ни раздающих милостыню. Справедливость оставила благотворительность без занятия. Десять заповедей практически устарели в мире, где не было соблазна к воровству, не было повода лгать ни из страха, ни из благосклонности, не было места для зависти, где все были равны, и почти не было поводов к насилию, где люди были лишены возможности причинять вред друг другу. Древняя мечта человечества о свободе, равенстве, братстве, над которой насмехались столько веков, наконец-то осуществилась.

"Как в старом обществе щедрые, справедливые, мягкосердечные были поставлены в невыгодное положение из-за обладания этими качествами; так и в новом обществе бессердечные, жадные и своекорыстные люди оказались оторванными от мира. Теперь, когда условия жизни впервые перестали действовать как вынуждающий процесс для развития грубых качеств человеческой натуры, и награда, которая до сих пор поощряла эгоизм, была не только устранена, но и возложена на бескорыстие, впервые стало возможным увидеть, на что на самом деле похожа неиспорченная человеческая природа. Порочные наклонности, которые ранее в такой степени разрастались и заслоняли лучшее, теперь увяли, как погребные грибы на открытом воздухе, а благородные качества проявили внезапную пышность, которая превратила циников в панегиристов и впервые в истории человечества соблазнила человечество полюбить само себя.

Вскоре полностью открылось то, во что никогда бы не поверили богословы и философы старого света, что человеческая природа в своих существенных качествах хороша, а не плоха, что люди по своим естественным намерениям и структуре щедры, а не эгоистичны, жалки, и жестоки, а отзывчивы, не высокомерны, богоподобны в устремлениях, истинные образы Бога, а не пародии на Него, какими они казались. Постоянное давление, на протяжении бесчисленных поколений, условий жизни, которые могли бы исказить ангелов, не смогло существенно изменить природное благородство рода, и эти условия, однажды устраненные, подобно согнутому дереву, вернули ему нормальную прямоту.

"Чтобы выразить все это в двух словах притчи, позвольте мне сравнить человечество в древности с розовым кустом, посаженным на болоте, политым черной болотной водой, дышащим миазматическим туманом днем и охлаждаемым ядовитой росой ночью. Бесчисленные поколения садоводов делали все возможное, чтобы заставить его цвести, но, если не считать случайного полукрытого бутона с червячком в сердцевине, их усилия не увенчались успехом. Многие, действительно, утверждали, что этот куст был вовсе не розовым, а вредным кустарником, годным только на то, чтобы его выкорчевали и сожгли. Садоводы, однако, по большей части считали, что куст принадлежит к семейству розовых, но в нем есть какая-то неискоренимая зараза, которая не дает распускаться бутонам и объясняет его общее болезненное состояние.

Действительно, было несколько человек, которые утверждали, что запас был достаточно хорош, что проблема заключалась в болоте и что при более благоприятных условиях можно

было ожидать, что растение будет расти лучше. Но эти люди не были обычными садовниками и, будучи осуждены последними как простые теоретики и мечтатели наяву, по большей части таковыми и считались в народе. Более того, настаивали некоторые выдающиеся философы-моралисты, даже признавая ради аргумента, что куст, возможно, мог бы преуспеть лучше в другом месте, для почек было бы более ценной дисциплиной пытаться распускаться на болоте, чем при более благоприятных условиях. Бутоны, которым удалось раскрыться, действительно могли быть очень редкими, а цветы бледными и без запаха, но они требовали гораздо больших моральных усилий, чем если бы они распустились спонтанно в саду.

- Обычные садоводы и философы-моралисты добились своего. Куст остался укорененным в болоте, и старый курс лечения продолжался. Для обработки корнеплодов постоянно применялись новые сорта смесей для выгонки, и для уничтожения паразитов и плесени использовалось больше рецептов, чем можно было сосчитать, каждый из которых был объявлен его сторонниками лучшим и единственно подходящим препаратом. Это продолжалось очень долго. Иногда кто-нибудь утверждал, что заметил небольшое улучшение внешнего вида куста, но было не меньше тех, кто заявлял, что он выглядит не так хорошо, как раньше.

В целом нельзя было сказать, что произошли какие-либо заметные изменения. Наконец, в период всеобщего уныния относительно перспектив куста там, где он находился, идея его пересадки снова была обсуждена, и на этот раз нашла поддержку. "Давайте попробуем", - прозвучал общий голос. "Возможно, где-то в другом месте она будет расти лучше, а здесь, конечно, сомнительно, стоит ли ее выращивать дольше". Так получилось, что розовый куст человечества был пересажен и посажен на сладкую, теплую, сухую землю, где его купало солнце, звезды ухаживали за ним, а южный ветер ласкал его. Это. Потом оказалось, что это действительно был розовый куст. Паразиты и плесень исчезли, и куст покрылся прекраснейшими красными розами, чей аромат наполнил мир.

"Залогом предназначенной нам судьбы является то, что Творец установил в наших сердцах бесконечный стандарт достижений, по которому наши прошлые достижения всегда кажутся незначительными, а цель никогда не приближается. Если бы наши предки представляли себе такое состояние общества, в котором люди жили бы вместе, как братья, живущие в единстве, без раздоров и зависти, насилия и чрезмерных притязаний, и где ценой труда, не превышающего требования здоровья, в избранных ими занятиях они были бы полностью освобождены от заботы о других. завтра и ушли, заботясь о своем пропитании не больше, чем о деревьях, которые орошаются неиссякаемыми потоками, — говорю я, если бы они представляли себе такое состояние, оно показалось бы им не чем иным, как раем. Они бы перепутали это со своим представлением о рае и не мечтали о том, что там может быть что-то еще, чего можно желать или к чему можно стремиться.

"Но как обстоит дело с нами, стоящими на этой высоте, на которую они смотрели снизу вверх? Мы уже почти забыли, за исключением тех случаев, когда это особенно напоминает нам какой-нибудь случай, подобный настоящему, что с людьми не всегда было так, как сейчас. Нам приходится напрягать воображение, чтобы представить себе социальное устройство наших непосредственных предков. Мы находим их гротескными. Решение проблемы физического содержания с целью искоренения беспечности и преступности, столь далекое от того, чтобы казаться нам конечным достижением, представляется лишь предварительным этапом к чему-либо подобному реальному человеческому прогрессу. Мы всего лишь избавили себя от дерзкого и ненужного преследования, которое мешало нашему предку добиваться истинных целей существования.

Мы подобны ребенку, который только что научился стоять прямо и ходить. С точки зрения ребенка, когда он впервые ходит, это великое событие. Возможно, он воображает, что за этим

достижением мало что может быть, но год спустя он забыл, что не всегда мог ходить. Его горизонт лишь расширялся, когда он поднимался, и расширялся по мере того, как он двигался. Действительно, в каком-то смысле великим событием был его первый шаг, но только как начало, а не как конец. Его настоящая карьера началась только тогда. Освобождение человечества в прошлом столетии от умственной и физической поглощенности работой и интригами ради удовлетворения простых телесных потребностей можно рассматривать как своего рода второе рождение расы, без которого ее первое рождение к существованию, которое было всего лишь бременем, навсегда осталось бы неоправданным, но благодаря которому оно является теперь это полностью подтверждено.

С тех пор человечество вступило в новую фазу духовного развития, эволюцию высших способностей, о самом существовании которых в человеческой природе наши предки едва ли подозревали.

- Ты спрашиваешь, на что мы будем обращать внимание, когда уйдет бесчисленное множество поколений? Я отвечаю, путь простирается далеко перед нами, но конец теряется в свете. Ибо двояким является возвращение человека к Богу, "который есть наш дом", возвращение индивидуума путем смерти и возвращение расы путем завершения эволюции, когда божественная тайна, скрытая в зародыше, будет полностью раскрыта. Со слезами по темному прошлому обратимся мы тогда к ослепительному будущему и, прикрыв глаза, устремимся вперед. Долгая и утомительная зима гонки подошла к концу. Его лето началось. Человечество разорвало куколку (как бабочка). Небеса находятся перед ним".

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2818754>